

"Они почти в зоне," - сказал Кевин Хаас.

Дженис Маринеску наблюдала за продвижением флаера на своем экране. На его борту были Джордж Виккерс и два других высокопоставленных членов альфа-линий Согласия.

Флаер направлялся на аэродром недалеко от города Добжанский, в трехстах километрах к юго-западу от Менделя. Оттуда Виккерс и его спутники должны были взять шаттл к одной из орбитальных станций, где они сядут на корабль Джессик Комбайн, который вывезет их за пределы системы. Они начали свою эвакуацию в рамках Гудини.

Начали ... и закончили. Все они были тщательно оценены и признаны неподходящими в том или ином важном отношении. В случае Виккерса - единственного из трех, кого Дженис знала лично, - проблема была в чрезмерном нарциссизме и эгоизме, неблагоприятном побочном эффекте, который имел тенденцию появляться в его генетической линии.

Для решения этой проблемы был опробованный и испытанный метод - проверенный как минимум в течение десяти тысячелетий, с тех пор, как люди впервые начали одомашнивать животных. Отбрасывание нежелательных вариантов генетической линии.

Окончательное решение было принято Коллином Детвейлером два дня назад, как раз перед тем, как он сам отбыл.

"Хорошо... сейчас," - сказал Хаас.

Маринеску ввела команду. Ядерное устройство, спрятанное в грузовом отсеке флаера, взорвалось.

Мощность взрыва составила восемь килотонн, что было примерно вдвое меньше размера бомбы "Малыш", использовавшейся в Хиросиме более двух тысячелетий назад. Высота, на которой произошла детонация, составляла чуть более пятисот метров, что примерно соответствовало высоте взрыва в Хиросиме.

В идеале, они должны были взорвать бомбу на большей высоте, но они выжидали, потому что курс флаера шел почти прямо над большим игровым полем, где проводился спортивный матч двух местных школ. На трибунах было полно подростков и их семей.

Эпицентр был не совсем над игровым полем, а в ста метрах к северу от того, что должно было быть внешней стеной стадиона, но стадион представлял собой просто два длинных ряда многоуровневых сидений по обе стороны поля. Практический эффект был примерно таким же. Каркас сидений был из керамокрита, но сами сиденья и навес, защищавший зрителей от солнца, нет. За исключением двадцати шести человек, которые находились внутри керамокритовых ячеек - девять девочек, семь мальчиков и два учителя пользовались туалетами; три уборщика играли в карты, ожидая окончания игры; и пять студентов делали покупки у автомата в закуточном баре - все, кто присутствовал на матче, были мгновенно убиты. В основном сгорели от излучения огненного шара. От многих из жертв остался только отпечаток на сиденьях позади. Затем останки были размельчены и рассеяны, как пыль, взрывной волной.

Закусочный бар под южным ярусом был открыт с обеих сторон. Взрывная волна прошла сквозь него и превратила пятерых студентов буквально в кашу. Несколько человек в туалетах и двое уборщиков в их маленькой комнате выжили, хотя все они были тяжело ранены. Все они скоро

также пострадают от последствий сильного радиационного облучения. В конце концов выживут только двое - и один из них никогда не выйдет из комы.

В Добжанском вообще не было района сессии. Население состояло исключительно из граждан. Это население произвело пропорционально больше людей в полиции, силах безопасности и армии Мезы, чем любой другой город на планете.

Маринеску, Хаас и их команда, собранная и контролируемая Коллином Детвейлером, тщательно сократили цифры. От пяти до семнадцати процентов полиции, сил безопасности или армии на Мезе только что потеряли одного или нескольких членов своей семьи.

Не было ни одной другой меры, которую они смогли бы разработать, чтобы увериться в том, что эти силы разозлились. У тех, кто лично не потерял членов семьи в результате теракта в Добжанском, почти наверняка найдутся друзья.

Расследование установит, что оба сессии, которые загрузили багаж на этот флаер, исчезли. При обыске в их квартирах на персональных компьютерах обоих можно будет найти пропагандистскую литературу из Одубон Баллрум.

Однако виновные никогда не будут найдены. В течение двух часов после их исчезновения они были поглощены коммерческим дезинтегратором мусора, программа безопасности которого была обойдена одним из лучших программистов Согласия.

Программист будет одним из самых последних эвакуированных. Два агента Согласия, которые похитили грузчиков, не были предназначены для Гудини. Они оба скоро умрут, когда их медицинские имплантаты не получат сигнал, который прервет программу самоубийства.

Один из них умрет от сердечного приступа, другой от инсульта. Согласие было осторожным, варьируя причины смерти, чтобы не было необычных статистических "скоплений". Каждая программа была также адаптирована к истории болезни человека. Или, по крайней мере, к медицинским записям, которые иногда нужно было изменить, чтобы дать здоровому человеку правдоподобную причину смерти.

* * *

"Готова цель Бета," - сказал Хаас.

Маринеску следила за изображением с камеры, расположенной внутри аудитории на одном из нижних этажей Башни Сарацин. Сегодняшний основной докладчик был представлен и начал свою речь.

"Давай," - сказала она. Хаас ввел команду.

Устройство, установленное в подсобном помещении аудитории, было тактическим ядерным зарядом, намного меньшим, чем использовалось в Добжанском - чуть менее 0,2 килотонны - и несущие стены башни направляли взрыв. Как и большинство башен (по крайней мере, построенных для полноправных граждан), Сарацин был похож на соты из керамокритовых труб, сгруппированных в ячейки, окружавшие центральное ядро. Это были очень большие трубы - те, что в Сарацине, были пятидесяти метров в диаметре - и очень, очень прочные, специально предназначенные для того, чтобы сдерживать такие бедствия, как пожары или "естественные" взрывы, которые люди могли случайно произвести практически при любых обстоятельствах. Центральная ячейка башни состояла из шести пятидесятиметровых труб, расположенных в виде кольца вокруг центральной воздушной шахты шириной пятьдесят

метров, которая также обеспечивала доступ маленьким аэрокарам.

Снаружи этой центральной ячейки находился огромный атриум в тридцать метров шириной, с пешеходными дорожками и полосами движения для небольших электромобилей, которые сновали по внутренней части башни, окруженной полуторакилометровыми стенами атриума. Подвесные пешеходные и транспортные пути регулярно пересекали атриум, создавая ощущение простора и пространства даже в самом сердце огромной, километровой ширины, конструкции. Второе кольцо ячеек, каждое из которых было идентично центральному ядру, окружало атриум, как бусы ожерелья, окруженные еще одним атриумом и еще одним кольцом ячеек.

Всего вокруг центрального ядра было четыре кольца ячеек, из-за которых вся башня имела диаметр около девятисот метров и высоту полтора километра. Твердые несущие стены из керамокритовых труб были невероятно прочными, и плиты пола каждого из пятисот этажей были также из плавленого керамокрита, значительно более прочного, чем гранит, толщиной в три раза больше.

Однако, ячейки - и напольные плиты - были рассечены почти на каждом уровне дверями, арочными проемами, гравитационными шахтами, аварийными лестницами и всеми тысяча-и-одним элементом систем кровообращения и дыхания современного здания. Аудитория находилась во втором кольце башни, примерно в шести сотнях метров от ее внешней поверхности, и взрывной волны было достаточно, чтобы сделать любой закрытый проход на ее пути широко открытым, но общий эффект был скорее похож на взрыв небольшого ядерного устройства (действительно очень маленького, всего лишь десяти процентов от древней атомной бомбы, взорвавшейся над Хиросимой) внутри горной пещеры.

Он пробил огромные камеры прямо над и под собой и послал взрывную волну, жар и осколки через две соседние несущие трубы с каждой стороны, направил их как в центральную воздушную шахту своей ячейки, так и в соседний атриум, но аудитория была только на сороковом этаже. Взрывная волна не достигла самых внешних ячеек башни, ни разу не пробив ни одного наружного окна.

Конечно, внутри башни было совсем по другому. Взрыва было более чем достаточно, чтобы убить 1463 человека в зале и все живое на семидесяти одном этаже над ним в той же несущей трубе. Взрыв проник в атриум прямо за зрительным залом, нанося тяжелый удар тем несчастным, которые прогуливались по пешеходным дорожкам или проводили время за чашкой кофе в одном из кафе на тротуаре. Довольно удивительно - что свидетельствует о причудливости взрывных волн, и о сдерживающем воздействии этих плит из керамокрита - что шесть человек на девятом этаже той же трубы фактически выжили, как и сто двенадцать на восьмом этаже и более двухсот на седьмом. Ниже седьмого были только неопасные для жизни травмы, но между сороковым и сто одиннадцатым этажами вообще не было выживших, а потери в соседних трубах и среди тех, кто столкнулся с взрывом в пространстве атриума, были очень тяжелыми.

Всего девять тысяч девятьсот сорок один человек был убит сразу. Еще семьсот два позже скончались от ран.

Встреча была организована Университетом Бейтсона. Докладчиком был помощник директора по научным исследованиям Мезы. Его темой были "Прогнозы на исследовательские гранты в 1923 году."

Меза только что потеряла значительную часть своего научного сообщества.

Одним из тех, кто должен был выступить позже в тот день, была Анастасия Черневская. Согласно программе, она только что вернулась из недельного пребывания в исследовательском институте на острове МакКлинток. Ее муж Жюль только что вошел в зрительный зал, когда произошел взрыв. Он с нетерпением ждал встречи со своей женой. Она находилась без связи с внешним миром, что было обычным для семинаров, проводимых в этом институте.

Жюль был лично приглашен начальником Анастасии по указанию Коллина Детвейлера. Как всегда, Согласие работало комплексно. Взрыв не только объяснил исчезновение Анастасии Черневской. Убийство ее мужа также устранит человека, который, скорее всего, стал бы расследовать это исчезновение.

Самой Черневской конечно никогда не сообщали об этом. Не было причин расстраивать ее, тем более что это подорвало бы ее эффективность. К тому времени, когда она узнает о смерти своего мужа, если узнает, пройдет много лет. Время сгладит ее память, и точные события того ужасного дня кровавой бойни, который был так давно, сотрутся этим самым ходом времени.

Много других ученых предположительно присутствовали там, но так и не появились. Это были те, кто уже покинул Мезу как часть Гудини.

Сохранившиеся записи действительно показали бы, что они были там. Но взрыв уничтожил их физически вместе со всеми людьми, которые могли бы рассказать иное.

* * *

"Цель Гамма... сейчас."

Маринеску набрала еще одну команду, и огромный торговый центр в одной из башен, населенных гражданами, стал эпицентром взрыва еще одной тактической бомбы. Большой, свыше одной килотонны.

Время было далеко от идеального, так как обеденная толпа прошла, а вечерняя толпа еще не собралась. Но все это нужно было сделать за очень короткий промежуток времени. Как бы то ни было, одиннадцать тысяч шестьсот три человека были убиты немедленно. Почти столько же людей погибнет в течение следующих нескольких дней от воздействия радиации, ожогов и радиационного отравления.

Среди людей, чьи жизни были спасены выбором времени, были мать Захарии МакБрайда, Кристина и его младшая сестра Арианна. В тот вечер они вместе собирались делать покупки после ужина.

Они обе жили в этом здании, Башне Дедрика, но их квартиры были достаточно далеко от взрыва, чтобы они не пострадали. Квартира Кристины почти не дрогнула. Квартира Арианны была ближе, и она потеряла несколько хрупких личных вещей, сброшенных с полок сотрясением. Но ничего хуже.

* * *

"Дельта готова."

"Огонь ... "

Еще одна большая бомба, двенадцать килотонн. Установленная посреди открытого парка развлечений на окраине Менделя.

Три с половиной тысячи погибших сразу или в течение нескольких часов. Еще одиннадцать сотен умрут от последствий. Сто два никогда не оправятся.

Почти все работники парка Голубая Лагуна и большинство посетителей прибыли из окружающих пригородов. Это были районы проживания граждан, которые, хотя и не в той же степени, что и Добжанский, также обеспечивали значительное число полицейских, сил безопасности и военных Менделя.

По подсчетам группы, доля сил, которые были непосредственно затронуты террористическими актами, возросла до чего-то между семью и двадцатью двумя процентами, в зависимости от конкретного подразделения.

* * *

"Эпсилон".

"Будем надеяться... да. Осечка, как и планировалось."

Эпсилон был еще одним большим устройством: тринадцати килотонн и в буквальном смысле большим. Длинной три метра, шириной почти два метра в самом широком месте, высотой два метра и весом около пяти тонн.

Очевидно, что бомба изначально была самодельной и плохо спроектированной, поэтому неудивительно, что она не взорвалась. Хорошо, что так. Бомба будет найдена в служебном помещении жилой башни, предназначенной для граждан. Если бы преступникам удалось их планы, число погибших могло бы составить десятки тысяч.

Пять ремонтников-сессии, которые были единственными, кто использовал эту мастерскую, пропали без вести. Они никогда не будут найдены. Согласие позаботилось об этом.

Но, конечно, они будут обвинены в этом. Расследование установит, что их бригадир, Сепп Рихтер, прослушал курс прикладной физики в небольшом колледже, готовящем сессии. Пропаганда сессии будет найдена в его персональном компьютере, а также в компьютерах двух других ремонтников - и на школьном компьютере, предназначенном для преподавателя физики.

Который тоже исчез.

* * *

В декларации водителя было указано, что содержимое контейнера в грузовом отсеке представляет собой аквариум, доставляемый юридической фирме, предположительно для показа в их комнате ожидания.

У водителя - сессии, как и у большинства таких водителей - не было причин подвергать сомнению законность утверждения. В любом случае ему не разрешили осматривать запечатанные контейнеры.

Он также не подверг сомнению законность маршрута, который ему дали. Юридическая фирма была расположена на 468-м этаже Башни Расмуссена, одного из самых роскошных и дорогих жилых и коммерческих зданий Менделя. Поставки по такому адресу позволяли коммерческому фургону использовать воздушное пространство, обычно предназначенное для пассажирского транспорта.

Конечно, он все еще должен был использовать специальные коммерческие линии.

Первым признаком того, что что-то не так, было то, что он внезапно обнаружил, что, будто по собственному желанию выключил программу дорожного движения и взял на себя прямой контроль над фургоном. Тревога немедленно завопила.

"Вам не разрешено ручное управление в этом районе. Немедленно перейдите на автоматическую программу. Предупреждение. Вы будете оштрафованы, если..."

Но он не обращал внимания. К его ужасу, его руки - его собственные руки! - направляли фургон прямо на самые оживленные линии. Единственное, что теперь предотвращало столкновения - собственные аварийные программы фургона. Но в таком плотном потоке они не могли...

* * *

"Зета готова."

"Запуск... сейчас."

Последний взрыв был еще одной тактической бомбой, но большой - около трех килотонн. Все машины в непосредственной близости от фургона были уничтожены. Оказавшиеся в огненном шаре распались на молекулы; от находившихся за его пределами остались лишь фрагменты, от пассажиров - еще меньшие.

Машины - но не пассажиры - находившиеся дальше, пережили тепловое излучение без повреждений, но взрывная волна швырнула их во все стороны, сталкивая с другими машинами или с окружающими зданиями. Или, достаточно часто, с тем и другим. Пространство между высотными башнями центра города было уже, чем на окраинах, а между Башней Расмуссена и соседней Башней Джарретта был узкий и очень глубокий искусственный каньон. Машины, захваченные этим взрывом, были похожи на мелкую гальку в банке. Они врезались во все, пока, наконец, совсем не развалились.

Число погибших было не таким высоким, как при взрывах в Добжанском и парке развлечений. Но удивительно высокий процент жертв составляли важные люди в мезанском обществе, и из-за природы самой катастрофы многие тела никогда не будут опознаны.

Действительно, многие из тех, кто погиб там, никогда не будут опознаны вообще. В тот день тысячи людей исчезли в Менделе. Сколько из них было сожжено в торговом центре? Превратились в тени на стенах и полах парка развлечений? Просто ... исчезли в этом каньоне смерти?

Никто никогда не узнает. Никто никогда не сможет узнать что-либо об этих исчезновениях, так или иначе.

Будет проведен поиск записей в компании доставки и определена личность водителя. Обыск в его квартире также обнаружит связь с Одюбон Баллрум.

* * *

"Окей, Дженис, уходим отсюда."

"Секунда. Так, установлено. Пошли."

* * *

Через шесть минут маленький личный флаер из гаража, находившегося в полукилометре, поднялся в воздух. На горизонте Маринеску и Хаас увидели облако взрыва над парком развлечений.

Они направились к север на встречу.

Девять минут спустя взорвалась Эта. Их центр управления исчез. Так же как и маленький город, окружавший его.

Холдейн был курортным городом в холмах к востоку от Менделя, местом небольших домов и коттеджей - некоторые из них, по общему признанию, не такие уж маленькие - предназначались для преднамеренного побега из городских башен, в которых проживало подавляющее большинство населения Мезы. Постоянное население составляло всего две с половиной тысячи человек, но в любой конкретный день численность временного населения была как минимум вдвое больше. И, как и люди, пользовавшиеся полосами движения, где взорвался фургон, клиентура курорта включала большое количество самых влиятельных и важных людей планеты.

Большая часть популярности Холдейна у высших слоев общества заключалась в том, что одной из особенностей города была анонимность. Это был курорт, который могла посетить даже знаменитость без риска быть замеченной - и без какого-либо официального уведомления. Электронные книги всех отелей стирались каждое утро, но даже пока они действовали, у трети регистрирующихся были такие имена, как Смит, Джонсон, Уильямс и Браун.

Эта бомба была самой большой из всех. Сорок пять килотонн взорвалось на уровне земли.

Гротескный перебор для города такого размера. От него буквально ничего не осталось.

<http://tl.rulate.ru/book/18880/388032>